

«За плечами Своими сокроет тебя...»

(Три ранения и одна молитва)

Разные люди бывают — одних, молчунов, не разговоришь, а других, словоохотливых, помолчать не заставишь. Михаил Тихонович Шульженко, мой тесть, теперь покойный, царство ему небесное, не относился ни к тем, ни к другим. Но тяготел всё же к первым. То есть, он любил о чём-то «умном» спросить, отвечал другому тоже рассудительно, но больше любил прислушиваться, что говорят другие. Был туговат на ухо после контузии на войне. Мне как зятю советы давал всегда осторожно и ласково, как будто опасаясь, что я (человек в его глазах очень грамотный), стану относиться ревниво к его наставлениям. Работал на кузнеце в сельской кузнице и даже в преклонном возрасте внешне вполне соответствовал представителю своей профессии: кряжистый, широкоплечий, отчего казался ещё более приземистым, кулаки — как две пудовые гири.

Мамины «Живые помощи»

То, что у меня тесть — участник Великой Отечественной войны, я, конечно, знал, но на первых порах нашего с ним общения, то ли в силу его малой разговорчивости вообще, то ли потому, что не любил он, как я потом установил, вспоминать именно войну и рассказывать о ней, я имел мало представлений о его военном прошлом. Сам я тоже не лез к нему с расспросами, особенно после того, как услышал краем уха однажды, как он чуть не угодил с телегой и лошадью в траншею на передовой линии фронта, везя бойцам котёл с кашей: вдруг ему покажется неудобным рассказывать о своём таком «героическом» прошлом. Но на всё должно быть место и время.

Как-то, беседуя с моим героем о том о сём, я вспомнил и рассказал, как мама ездила во время войны куда-то за солью по территории, занятой немцем. Ехала с кучкой таких же женщин зимою в товарном закрытом вагоне, дрожа от холода, а ещё больше от страха, что их обнаружат немцы. Как на каком-то полустанке открылась дверь вагона и заскочивший немец, что-то лопоча по-своему, начал всех подряд вышвыривать из вагона, а мама, забившись куда-то в самый дальний угол, всё читала про себя безостановочно молитву «Живые помощи» (псалом 90). Поезд тронулся, немец выскочил, а мама и ещё несколько женщин остались, к счастью, в вагоне и поехали дальше. К моему удивлению, всё внимание тестя после моего рассказа обратилось на упомянутую в нём молитву. Он даже как-то странно оживился, расспрашивая меня о ней. Но что мог я ему тогда рассказать? Разве лишь то, что именно эту молитву, «Живые помощи», мама моя положила мне в чемодан, когда я 18-летним паренком — молодым специалистом-геологом — впервые уезжал от неё далеко-далеко, на Север. И умоляла, чтобы я никогда с нею не расставался (на что я в том возрасте и в то безбужное время, откровенно говоря, мало реагировал, но обещал, чтобы не обидеть). В этот раз мой тесть, наконец-то, разговорился. И вот что я от него узнал.

«...Не убоюсь ужасов в ночи, стрелы, летящей днем»

Рядовой боец Михаил Шульженко был призван на войну в начале 1942 года Калачеевским райвоенкоматом Воронежской области. С ним ещё был его друг-земляк. Мать Михаила, провожая сына, возможно, «на верную смерть», обратилась в своём безутешном горе к последнему прибежи-

щу миллионов матерей в те страшные годы — молитве. Коряво и неграмотно, зато собственноручно переписанную молитву «Живые помощи» она вручила сыну, взяв с него обещание, что тот постарается сразу же выучить её наизусть.

Только война оказалась не очень пригодной для заучивания текстов, пусть даже и молитвенных. Хотя отдельные фразы будили воображение, их хотелось повторять: «...прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!»; «...Не убоюсь ужасов в ночи, стрелы, летящей днем»; «...Ибо ты сказал: «Господь — упование мое». Оно-то и ряд других наиболее прочно осели в голове молодого бойца, их-то и повторял к месту и даже не к месту Михаил во всякое время дня и ночи. «Не убоюсь ужасов..., стрелы, летящей днём...». Даже этих шести слов, уже автоматически проносившихся в мозгу, хватало, чтобы успокоительно лечь на сердце в какой-то опасной ситуации. А таких ситуаций на войне хватало с лихвою...

Через недолгое время после прохождения курса молодого бойца, получив в руки оружие, оказался мой тесть вместе со своим другом-земляком и в числе многих других в окружении и попал, также в числе многих других, в плен. Осколком снаряда его ранило в правую руку повыше запястья. Осколок остался сидеть в руке, хотя и не глубоко. Всех пленных, кто не мог совсем идти, немцы добили выстрелами в голову, остальных погнали.

Гнали двое суток, на третьи остановились в каком-то месте, там предстояло рыть окопы. Рана к тому времени уже загноилась, рука покраснела и опухла, начался сильный жар, и тесть уже плохо чего соображал. Похоже, начиналось заражение. «...Ибо ты сказал: «Господь — упование моё»... Друг-земляк и ещё один пленный выковыряли ножом из раны товарища осколок, обрывки застрявшей там одежды с землёй, заставив тестя скрежетать зубами и корчиться от боли. Рану промыли сначала водой, затем собственной мочой и перевязали подручным материалом, приложив несколько найденных на месте листьев подорожника.

Окопы рыли под удары палок и свист плёток. Кормили какой-то баландой два раза в сутки — утром и вечером. Спали под открытым небом. Многие из раненых утром не могли уже встать. Их добивали и оттащивали в общую яму. Был твёрдым кандидатом в эту яму первый несколько дней и мой тесть, но друг-земляк всякий раз из последних сил заставлял его подняться, а когда шли в колонне к окопам, незамет-

но для охранников поддерживал, не давая упасть. Потом рана стала понемногу заживать, крепкий организм и воля молодого кузнеца к жизни взяли своё. А жить хотелось — дома ждали жена и маленькая дочурка.

Как-то среди ночи немцы подняли весь лагерь, построили в две шеренги и стали выхватывать пленных и заталкивать в стоящие рядом машины.

«Если на расстрел, скажу, что я ещё не докопал окоп», — попробовал было и здесь пошутить кто-то из пленных, но, видимо, слишком громко — плеть стоящего рядом охранника тут же рассекла лоб и щеку говорившего.

«Ехали с потушенными фарами, значит, близко фронт, там — свои. Прибыли на железнодорожную станцию, занялись разгрузкой вагонов. Немцы были чем-то очень возбуждены и спешили, удары плетей так и сыпались на пленных. Вдруг налетели самолёты, посыпались бомбы. Трещали пулемёты, захлёбывались лаем зенитки, рвались бомбы, взрывались ящики со снарядами (их-то и выгружали пленные из вагонов), огромный огненный столб взметнулся в небо и прогремел страшной силы взрыв, разметавший всё вокруг. Это бомба угодила в вагон со снарядами. Но два наших друга были уже довольно далеко от этого ада, они бежали в ту сторону, откуда прилетели самолёты. «Не убоюсь ужасов в ночи, стрелы, летящей днём...», «...прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!».

«Прибежище мое и защита моя...»

Бежали долго, пока совсем не выбились из сил и не упали. Светало. А когда рассвело, беглецы обнаружили, что они находятся между своими и немцами, так сказать, на нейтральной полосе. Поползли в сторону своих. Вдруг оттуда прозвучал одиночный винтовочный выстрел, как бы спрашивающий: свои или чужие? И тогда, забыв о всякой опасности, они вскочили

и побежали к своим, размахивая руками и крича: «Свои! Свои! Русские!». И тут мой тесть почувствовал, как будто что-то обожгло его ногу и что-то горячее потекло по ноге в сапог. Вгорячах он ещё немного пробежал следом за товарищем и что-то уже хотел ему крикнуть, как вдруг тот, странно взмахнув руками, упал, как подкошенный, уткнувшись головой в траву. Подполз к другу и убедившись, что тот мёртв (пуля снайпера попала в голову), тесть, уже теряя последние силы от большой потери крови, всё же дополз до бруствера передней траншеи, где его подхватили бойцы и втащили внутрь. Тут же оказали первую помощь и отправили в санчасть.

Но на этом война для моего тестя, конечно, не закончилась. Оправившись от второго ранения и потери друга, пройдя благополучно через все вопросы и допросы «смерша» (советской внутренней контрразведки) по поводу своего пленения, он был временно, пока не заживёт получше нога, причислен к обозному взводу. Ему, потомственному крестьянину-колхознику, было не привыкать работать с лошадью: исправно чинил сбрую, умело ремонтировал колёсно-тележный транспорт, всегда вовремя доставлял к месту назначения любой груз, будь то борщи-каши для солдат или же боевые снаряды. Но однажды во время жестокого боя, когда подвез к стреляющей пушке несколько ящиков со снарядами, он вызвался заменить убитого на глазах подносчика снарядов. В этом бою его снова ранило, и очень серьёзно: осколок вражеского снаряда попал в поясничную область и крепко там застрял где-то у позвоночника. Провалился немало времени в нескольких госпиталях и был комиссован «по чистой». С осколком в спине. Был настолько слаб и немощен, что командование, отправляя его домой, дало в дорогу до самого дома провожатого.

«...Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!».

Евгений Прасолов

Уважаемые ветераны Великой Отечественной войны!

В преддверии Дня Победы, в рамках реализации мероприятий Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, приуроченных к празднованию 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, консультационный центр по

защите прав потребителей ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Белгородской области в Губкинском районе» информирует об услугах, предоставляемых для ветеранов Великой Отечественной войны:

– проведение по месту жительства ве-

теранов консультаций, связанных с их информированием о правах потребителей, направленных на профилактику нарушений, а также в целях выявления нарушений;

– оказание практической помощи, связанной с защитой потребительских прав

ветеранов ВОВ в досудебном (претензионном) и судебном порядке.

Услуги предоставляются бесплатно.

Получить консультацию, оставить заявку вы можете по нашему адресу: Белгородская обл., г. Губкин, ул. Горького, 4, каб. 5. Телефон: 8 (47241) 5-11-34.

ДОСРОЧНАЯ ПОДПИСКА на газету «Новое время» на 2-е полугодие 2020 года по цене 1-го полугодия продлится до 31 МАРТА.